

та Кокса (2003)¹ и Кэрин Бэлл (1997)², однако, вряд ли можно утверждать, что «Кружок гармонии представляет собой слепое пятно в исследованиях американского спиритуализма, афро-американских религий и, шире, американской религиозной истории» (с. 17).

Несмотря на отмеченные выше недостатки, работа Э.С. Кларк представляет значимое источниковедческое исследование конкретной религиозной группы и в этом заключается ее ценность для историков спиритуализма. Специально следует отметить приложенный к исследованию оригинальный и небесполезный для историка спиритуализма указатель духов, с которыми общались спиритуалисты Нового Орлеана.

В. С. Раздьяконов

Рецензия на: **The new age of Russia: Occult and esoteric dimensions.** В. Menzel, М. Hagemeister, В. G. Rosenthal, eds. Berlin: Verlag Otto Sagner, 2012. 448 p.

Том под названием «Новый век России. Оккультные и эзотерические измерения», вышедший в 2012 году, уже стал образцовым исследованием альтернативной, отчасти даже подпольной стороны религиозности.

Книга вышла в серии «Исследования языка и культуры в Центральной и Восточной Европе», что придает специфику исследовательской перспективе. В ее основе – конференция 2007 года, организованная Биргит Менцель, ставшей редактором номера и определившая общее направление исследования. Книга посвящена «нонконформистским духовным искателям, индивидуальному поиску вне догм политических и религиозных сил, правивших Россией в ходе ее истории, в особенности XX века» (р.11). Постоянно возвращающиеся

¹ Cox R. *Body and Soul: a Sympathetic History of American Spiritualism.* Charlottesville: University of Virginia Press, 2003.

² Bell C. C. *Revolution, Romanticism and the Afro-Creole Protest Tradition in Louisiana, 1718–1868.* Baton Rouge: Louisiana State University Press, 1997.

вопросы границ рациональности, пересмотра унаследованных из прошлого понятий вводят эту монографию в весьма актуальный для современного общественного обсуждения вопрос соотношения науки и псевдонауки. Книга содержит богатейший материал, описывающий советские и постсоветские исследования таких явлений как НЛЮ, йети, тайные страны и континенты, паранормальные способности и прочее. Вместе с тем, для многих авторов одним из центральных является вопрос отражения духовных поисков в художественной литературе, которое воспринимается авторами как «реакция на “культ рационального”» (р. 16).

Для обозначения носителей этих идей Биргит Майер избирает термин «оккультное подполье» (р. 18), но отмечает сложности с терминологией — понятия «оккультный» или «нью-эйдж» часто отбрасываются в описываемых сообществах. Кроме того, в силу особенностей истории России, отношение к оккультному выстраивалось в рамках рационального, иррелигиозного или даже антирелигиозного дискурса (р.19). Такая специфика делает терминологические исследования особенно актуальными, но в рамках данного тома они практически не затрагиваются. Вынесенный в заголовок термин «нью-эйдж» используется как метафорически (в смысле новой эры, которые за XX век начинались в России неоднократно), так и в смысле дезинтегрированной сети, регулирующей вопросы образования, религии, здоровья и медицины (см. р. 20). В определении базовых понятий авторы следуют Джорджу Крисидису (нью-эйдж), Антуану Лефевру (эзотерика), Марии Карлсон (оккультное).

Статьи сгруппированы в 4 раздела: «Дореволюционные корни и раннесоветские проекты», посвящённый историческому контексту ситуации заката империи и экспериментам 1920–30 гг., а также таким персоналиям как Александр Барченко, Николай Рерих и Константин Циолковский; «Проекты

советского периода (1930 – 1985)», в котором внимание в основном сосредоточено на различных явлениях, относящихся к 1960–80-м гг, в частности, литературным и технологическим их сторонам; «Оккультное возрождение эпохи перестройки и постсоветской России (1985 – настоящее время)», со статьями о судьбах традиционализма, родноверия, шаманизма, учения Рерихов, трансперсональной психологии в этот период; наконец, «Сравнение, преемственность и изменения» со статьями об оккультизме как реакции на духовный кризис и русской мистической литературе.

Отношение к «оккультному» в дореволюционный период раскрывается в статье Юлии Маннхерц в своем амбивалентном отношении к оккультному и потустороннему: сочетание сатиры и научной и религиозной критики (например, со стороны Л. Н. Толстого) с растущим интересом, появление периодических изданий, посвященных инструкциям и обучению ясновидению, спиритизму, «факиризму» и т.п. Традиции гипнотизеров и других профессионалов, практиковавших как в балаганах на ярмарках, так и в салонах высшего света автор ставит в один ряд с традициями советского цирка (р. 50). Статья Константина Бурмистрова описывает ситуацию в эзотерических кружках 1920–30-х гг., акцентируя внимание на преемственности и изменениях, произошедших вследствие революции, а также формах «легализации» подполья в различных исследовательских институтах и учреждениях культуры (особенно р. 78). Автор приходит к выводу, что в этот период кружки «были озабочены решением социально-политических задач — от сопротивления режиму Советов с помощью магии до сотрудничества с ним в деле покорения природы» (р. 80). Статья Олега Шишкина посвящена взаимоотношениям оккультиста Александра Барченко с НКВД в тот же период, в особенности в проектах поиска Шамбалы, связанных с политикой СССР в Центральной Азии. В статье

Маркуса Остерридера рассматриваются политические же амбиции и проекты Николая Рериха, также связанные с НКВД и Азией (а также проводятся определенные параллели с политическими амбициями современного Международного центра Рерихов). Михаэль Хагемайстер посвящает свою статью Константину Циолковскому и влиянию оккультизма на становление советской космонавтики. Он указывает на гностические, теософские, спиритуалистические и философские корни мировоззрения ученого, которое сравнивается с идеями современников как из Европы, так и других российских ученых.

Второй раздел открывает статья Биргит Менцель, посвященная обзору движений 1960–80-х годов, в частности, обращающая внимание на пересечение научных кругов и оккультизма (которая опирается в первую очередь на переоткрытие идей Гурджиева, Рерихов, теософии и древней философии, мистических течений христианства и ислама, а также восточных религий (см. р. 153)). Помимо подпольных кружков, информация об этих учениях появляется и в официальной печати — как в научно-популярной, так и художественной. И снова внимание уделяется институциональному моменту и месту оккультных знаний в институтах и университетах, например, востоковедческих, психологических, а также и в спортивных кругах (как произошло с йогой и другими практиками оздоровления). В этом можно усмотреть преемственность по отношению к довоенному периоду, более того в 1960-е годы возвращаются из лагерей и ссылки и практики, которые включаются в деятельность различных кружков. В заключении автор проводит сравнение в картине развития нью-эйджа в Америке примерно в этот же период и указывает на очевидные сходства (р. 182 – 183).

Статья Леонида Геллера сосредоточена вокруг одного из кейсов, упомянутых в предыдущей статье, а именно эзотерическими оккультным мотивам в литературе этого периода,

в особенности научно-фантастических утопиях Ивана Ефремова, Олеся Бердника и Сергея Снегова. Также автора интересует широкое распространение мифологических образов и заимствований у классиков позднесоветской литературы. Признаками «эзотерической поэтики» он называет интеллектуализм; аффективность; мифологизацию риторических общих мест и тропов; провокационность; сложную композицию как знак борьбы против конвенции; стилизацию, пародию и другие средства, позволяющие добиться «странности» (р. 208 – 209). Статья Маттиаса Шварца еще более сосредотачивается на советской научной фантастике как проводнике оккультных идей и традиций, связывая ее с фантастической литературой 1920-х и 1930-х годов. Рассматривается развитие представлений о Тунгусском метеорите от до и после начала оттепели, а также трансформация образа инопланетян в советской фантастике. Образ индивидуализированных «гостей из космоса» оказывается «нацелен против популярных на Западе мифов: инопланетяне воспринимаются как друзья, а не как захватчики или колонизаторы, стремящиеся остаться на земле, скорее они – временные посетители, которые могут оказывать положительное влияние на человеческую историю и которые всегда символизируют надежду на будущее» (р. 235). В статье Марлен Ляруэль мы возвращаемся к развитию космизма: здесь он рассматривается как романтическая система взглядов, связанная с идеями Серебряного века и оказавшая влияние на становление официальной советской идеологии.

Третий раздел, посвященный эпохе перестройки и современному этапу развития России, открывает статья Демьяна Беляева, очерчивающая общую картину второй половины 1980-х годов – популярности газет, описывающих «аномальные явления», переводам и републикациям множества книг, популярности экстрасенсов и нетрадиционной медицины,

астрологии и прочего «прикладного эзотеризма». Автор, опираясь на интервью с популярными учителями, описывает динамику развития и распространения различных учений в перестроечный и постперестроечный период. Марк Седжвик посвящает свою статью феномену «Александра Дугина», который он рассматривает на трех уровнях: публичном, политическом и интеллектуальном. Здесь и отсылки к Южинскому кружку, и рассмотрение традиционализма и различных его изводов, и сложные взаимоотношения Дугина с православием. Главный вывод автора состоит в утверждении влияния на Дугина как интеллектуальной традиции Запада, так и советских диссидентских оккультных кругов. В следующей статье Марлен Ляруэль описывает феномен родноверия, его связь с национализмом с одной стороны и эклектический характер в духе нью-эйдж с другой. Автор называет родноверие «религией открытого кода» (open source religion), что безусловно является великолепной метафорой, пригодной для самого широкого круга явлений. Марина Аптекман в своей статье обращается к романам в жанре альтернативной истории, посвященным переосмыслению революции, которые указывают на «разочарование в реальной истории, исторической судьбе, а также на сильное желание переиграть и сделать человеческую жизнь экспериментом вроде физического» (р. 327). Наталья Жуковская описывает пути шаманизма в постсоветский период: от полуподпольного существования к «возрождению» шаманизма с его бурным ростом и институционализацией. Здесь приводятся интересные наблюдения о городском и сельском шаманизме, об отстранении шаманизма как религии в отличие от медицинской практики, о взаимоотношении шаманов с шамановедами и взаимовыгодном обмене знаниями, терминологией и площадками для их обсуждения. Джон Маккэнон в своей статье реконструирует историю рериховского движения, особое

внимание уделяя его месту в политических и эзотерических кругах современной России. В свете непрекращающихся конфликтов вокруг московского музея Рерихов и Центра, выводы автора об успехе публичной политики московского Центра-музея Рерихов кажутся немного наивными. Борис Фаликов в своей статье говорит о судьбе трансперсональной психологии в России, концентрируясь на истории возникновения движения, а также на его рецепции православными авторами и академическими кругами. Здесь также в центре внимания оказывается соотношение различных видов рациональности. Фаликов показывает, как трансперсональная психология находит свою аудиторию и разрешение конфликтов в попкультурной среде, становясь в современный период частью коммерциализированного «*cultic milieu*».

Наконец, в заключительном разделе помещена статья Бернис Глацер Розенталь, в которой история оккультизма в России реконструируется как череда духовных кризисов, реакция на которые и порождает резкий рост интереса к эзотерическим знаниям. Здесь используются практически все разобранные авторами предыдущих разделов кейсы, которые сопоставляются со схожими процессами в Америке в годы Холодной войны. В заключительной статье Джеффри Крайпал также проводит параллели с американскими реалиями, но для него они оказываются важны как иллюстрации, с одной стороны, двойственного характера эзотерических сообществ, ориентированных с одной стороны на глобальный горизонт, а с другой, сконцентрированные на личном опыте. Кроме того, Крайпал использует российские кейсы, чтобы проиллюстрировать своей тезис о влиянии эзотеризма на любые сравнительные исследования (в том числе академическое религиоведение). Применительно к России подобное внимание к «секретному» уровню в науке позволяет ему заключить, что «не только российские эзотерики имели сложные отношения с воин-

ствующим атеизмом и официальной материалистической культурой. То же испытывали профессиональные историки, антропологи и литературоведы» (р. 427). Таким аккордом завершается развивающаяся во всей книге тема взаимоотношений оккультной культуры и академического сообщества.

Специфика книги состоит в широком как хронологическом, так и тематическом охвате. Биргит Менцель во введении описывает и темы, которые не попали в предмет исследований (р. 28), но всеохватной подобная работа не может стать в принципе. Некоторые разделы построены от общего к частному, но тем не менее обилие сквозных тем и параллельных сюжетов порой оставляет ощущение повторов. С другой стороны, раздел, посвящённый постсоветскому периоду, содержательно «рассыпается», что, впрочем, отвечает духу того времени. Редакторами проделана колоссальная работа, позволяющая читателям как погружаться в насыщенные фактами исторические повествования, так и составлять представление о стройной теоретической базе всего тома. Все это позволяет использовать работу как исследователям истории российского оккультного подполья, диссидентского движения и альтернативных религиозных систем, так и всем интересующимся проблемой терминологии и методологических подходов к изучению подобных предметов.

К. А. Колкунова

Рецензия на: *Smolkin V. A Sacred Space Is Never Empty. A History of Soviet Atheism*. Princeton & Oxford: Princeton University Press, 2018. 352 p.

Книга Виктории Смолкин «Свято место пусто не бывает. История советского атеизма» является результатом десятилетнего исследования архивных материалов и опубликованных изданий, а также проведенных интервью. Автор работала в архивах Москвы, Санкт-Петербурга, Киева и Вильнюса,